

МИССИЯ УЭЛЛЕСА В ЕВРОПУ

И. Беглов

Миссия Уэллеса в Европу в феврале—марте 1940 г. является весьма важным эпизодом в истории дипломатической борьбы во время так называемой «странной войны». Враги демократии в Америке и в Европе сделали всё возможное, чтобы использовать эту миссию для осуществления своих антисоветских планов, для переключения войны между англо-французским блоком и Германией в войну против СССР. Не является случайным тот факт, что в опубликованных за последние годы в США и в Англии мемуарах и в различных изданиях «секретных записок» и документов миссия Уэллеса изображается как невинная попытка правительства США произвести «разведку» политического положения в Европе. Содержание наиболее деликатных переговоров Уэллеса в Париже и в Лондоне обходится полным молчанием. О переговорах в Риме и в Берлине сообщается не больше того, что проникло в своё время в печать. Можно считать, что и в данном случае стремление американских фальсификаторов истории обойти молчанием действительные цели миссии Уэллеса «свидетельствует лишь об их нечистой совести»¹.

I

Правительство США объявило в сентябре 1939 г. о своём нейтралитете по отношению к войне в Европе не потому, что оно являлось «пленником» изоляционистского конгресса, как утверждают некоторые американские историки, а потому, что «активный нейтралитет», который оно намеревалось проводить, хорошо отвечал империалистическим интересам Америки. Американский нейтралитет, в сущности, выражал стремление сохранить для США максимальную свободу действий по отношению к обеим воюющим сторонам с тем, чтобы в надлежащий момент выступить в качестве арбитра между ними и продиктовать условия «американского мира». Б. Барух, всегда играющий роль «офицера связи» между Уолл-стритом и правительством, очень выразительно сформулировал цели американской политики нейтралитета. США, заявил он, должны создать сильную армию и флот, вооружённые самым новейшим и самым смертоносным оружием, а «затем, когда президент пожелает сказать что-нибудь, относящееся к войне или к миру, весь свет будет слушаться его»².

В то время ни в Англии, ни в США никто не говорил о том, что целью войны является полное сокрушение Германии и её безоговорочная капитуляция. В буржуазном общественном мнении обеих стран преобладал взгляд, что война не будет иметь решительного исхода. Считалось вполне вероятным, что война закончится вничью или, во всяком случае, миром по соглашению, причём, по мнению правящих кругов США, руководящая роль при выработке условий такого мира должна будет принадлежать Америке. Глава фирмы Моргана, Т. Ламонт, выступая на собрании виднейших представителей Уолл-стрита, распределил роли между англо-французским блоком и Америкой таким образом, что на долю первого приходилась более «лёгкая» задача — война с Германией, а на долю США более «трудная» задача — заключение мира. «Поскольку Амери-

¹ «Фальсификаторы истории (историческая справка)», стр. 36. Огиз. Госполитиздат. 1948.

² «New York Herald Tribune» от 15 сентября 1939 года.

4. «Вопросы истории» № 6.

ка, — сказал он, — как мировая держава, имеет прежде всего огромное значение в области экономической и политической и поскольку в тысячу раз труднее сделать мир, чем сделать войну, то не следует ли отсюда с полной ясностью, что роль Америки состоит не в том, чтобы вступить в войну, а в том, чтобы внести большой и ценный вклад в дело мира»³.

Видные публицисты Уолл-стрита — В. Липпман, Бюэлл, Дж. Ф. Даллес, Д. Томпсон, М. Сэлливэн — подробно развивали эту мысль о руководящей роли США в организации «нового мирного порядка» после войны и указывали американской буржуазии, что война открывает перед ней широкие перспективы мирового господства. Они доказывали, что к началу второй мировой войны США являются более могущественной державой, чем в 1914 г., и поэтому располагают всеми средствами для того, чтобы направить развитие событий в желательном им направлении; что США держат в своих руках ключ к европейскому равновесию сил и поэтому являются естественными мирными посредниками в европейском конфликте; что война будет выиграна главным образом экономическими и дипломатическими средствами; что в ходе этой войны европейские страны будут истощены, и задача Америки — «прийти к концу войны не истощённой, а сильной, с запасом жизненных сил, с тем, чтобы служить новым центром цивилизации»⁴. Джон Ф. Даллес уже тогда провозглашал космополитическую доктрину американского империализма, утверждая, что только под руководством Америки «человечество совершит переход к новому мирному порядку», основанному на ограничении суверенитета наций⁵.

Орган лондонского Сити, журнал «Стэйтист», отметив «новые настроения» на Уолл-стрите, писал: «В ближайшие два года США, возможно, найдут выход из всех осложнений последнего времени на соблазнительном пути агрессивной внешней политики. Германия, которая указывает путь другим в этой области, возможно, ещё обнаружит, что ученики обогнали учителя»⁶.

Американский «активный нейтралитет» вполне отвечал и той военной политике, которую Англия и Франция проводили до весны 1940 года.

Продолжением мюнхенской политики «умиротворения», которая в предвоенные годы «последовательно проводилась правящими империалистическими кругами Англии, Франции и США»⁷, явилась так называемая «странная», или «ненастоящая», война. Формы этой, по преимуществу экономической, войны соответствовали политическим целям Англии и Франции. Подобного рода война, конечно, не могла принести полной победы над Германией. Но правительства Чемберлена и Даладьё были далеки от подобной задачи. Всё, чего они добивались, сводилось к тому, чтобы перевести войну «на другие рельсы», т. е. заставить Германию отказать от враждебных западным державам планов и повернуться против СССР.

В Вашингтоне, конечно, хорошо понимали, что стратегия союзников подсказана не военно-техническими, а политическими соображениями, что ссылки генеральных штабов Англии и Франции на неизбежность огромных потерь при форсировании линии Зигфрида являлись лишь прикрытием для англо-французской дипломатии, стремившейся не обострять войну и не затруднять путь к соглашению с Германией. Правительство США молчаливо одобряло эту стратегию союзников. Было бы напрасным трудом искать в американских официальных документах хотя бы намёка на порицание или неодобрение военной политики Англии и Франции. Что же касается американских руководящих буржуазных газет, то они не

³ «New York Times» от 16 сентября 1939 года.

⁴ «New York Herald Tribune» от 5 октября 1939 года.

⁵ «New York Times» от 29 октября 1939 года.

⁶ «Statist» от 1 сентября 1939 года.

⁷ Л. Жданов. О международном положении, стр. 6. Огиз. Госполитиздат. 1947.

только самым недвусмысленным образом одобряли нежелание правительств Англии и Франции обострять войну на Западе, но и требовали от них строго придерживаться «оборонительной стратегии». «В той самой степени,— писал В. Липпман,— в какой союзники должны принять во внимание нашу точку зрения, их стратегия должна осудить крупные наступления и вести в основном оборонительную войну в форме блокады, контратак и дипломатического давления... Такова, конечно, нынешняя стратегия союзников и... наша политика должна состоять в том, чтобы заставить их придерживаться этой стратегии». По его словам, подобного рода война должна была «сохранить ресурсы Западной Европы» и предупредить наступление там «социального хаоса»⁸. Воздерживаясь от предоставления займов Англии и Франции, говорил Липпман, США тем самым заставят союзников бережно расходовать свои ресурсы и избегать крупных наступательных операций.

Никто из американских публицистов-империалистов не мог с такой точностью излагать политические взгляды и широкие империалистические замыслы финансовой олигархии США, как это делал Липпман. Его тесные личные связи с фирмой Моргана давали ему возможность быть в курсе малейших изменений в настроениях и взглядах действительных властелинов Америки. В его статьях, посвящённых истолкованию американской и английской политики, с циничной откровенностью высказывалось вслух то, о чём думали на Уолл-стрите и в Вашингтоне. Разъясняя смысл выдвигавшегося в речах Чемберлена и Галифакса требования к Германии «дать убедительные доказательства искренности своего желания мира посредством определённых действий», Липпман писал: «Главный вопрос войны заключается в том, вернётся ли Германия в общество западных государств как защитник Запада». «Этот вопрос является более важным, чем вопрос о том, можно ли верить слову Гитлера, и даже более важным, чем вопрос о том, отрёкся ли и может ли отречься Гитлер от дальнейшей агрессии». Дело не в Чехословакии и не в Польше. «Если бы Гитлер сегодня ушёл из этих стран, он оставил бы позади себя хаос бурлящей нищеты, в который революционный большевизм проник бы, не встретив большого сопротивления. То, что разрушено, не может быть быстро восстановлено... Перед лицом усиливающейся России Чехословакия и Польша не могут быть реорганизованы теперь иначе, как под протекторатом Германии. Не может существовать никакой безопасности для Германии или для Европы иначе, как при посредстве такой Германии, которая способна стать протектором европейской пограничной зоны». Липпман предлагал союзникам вступить «в прямые тайные переговоры с германской армией и со всем тем, что является действительно консервативным внутри Германии. Если они убедят немцев в том, что наступление (Германии) на Западе не может быть решающим и что создание сильной консервативной Германии является их (союзников) единственной реальной военной целью, они смогут ещё спасти мир от большой опасности»⁹. Таким образом, не только предвоенный, но и военный вариант мюнхенской политики Англии и Франции встречал полную поддержку со стороны империалистических кругов США.

Но и до войны и в первый период войны правящие круги США тщательно следили за тем, чтобы политика Чемберлена не привела к созданию англо-германской антанты, угрожающей интересам Америки. Шаги, предпринимавшиеся американским правительством с целью обезвредить эти опасные для Америки тенденции в развитии англо-германских отношений, создавали иногда видимость антимиюнхенского направления политики США. Стремление подчинить своему контролю

⁸ «New York Herald Tribune» от 7 ноября 1939 года.

⁹ Там же от 12 октября.

развитие англо-германских отношений в значительной степени определяло деятельность американской дипломатии в 1938—1940 гг. и, в частности, задачи миссии Уэллеса.

Независимо от того, вступят ли США в войну или нет, американское правительство намеревалось принять участие в будущей мирной конференции. В американской печати указывалось, что вскоре после начала войны в Вашингтоне стала вызревать концепция «активного нейтралитета», «способного оказывать решающее влияние на ход войны и особенно на характер мира»¹⁰. Американская дипломатия усиленно работала над тем, чтобы обеспечить США руководящую роль на мирной конференции. В связи с этим большое значение придавалось созданию так называемого «нейтрального блока» как дипломатического орудия в руках США для давления на обе воюющие стороны. С самого начала войны США действовали так, чтобы выставить себя в глазах нейтральных стран Западного полушария и Западной Европы в качестве лидера и «защитника» их общих интересов в отношениях с воюющими странами. Американская печать доказывала, что согласованные действия нейтральных стран придадут им большую силу, в связи с чем обе воюющие стороны будут уважать их как во время войны, так и на мирной конференции.

Государственный департамент ещё до войны работал над созданием сплочённого и послушного воле Вашингтона блока американских государств, который можно было бы использовать для крупных политических манёвров на международной арене. Сколотить подобный блок при помощи политики «большой дубинки» было невозможно. Но для этой цели как нельзя лучше подходила так называемая политика «доброего соседа», разработка которой была связана с именем заместителя государственного секретаря С. Уэллеса. По словам журнала «Тайм», Уэллес «с величайшей вкрадчивостью работал над тем, чтобы прикрепить к США 20 латиноамериканских стран стальными оковами и золотыми цепями... Для него проблема послевоенного мира — прежде всего дипломатическая проблема: изыскать средства, обеспечивающие... господство западного полушария над миром и незаметное, но верное господство США над западным полушарием»¹¹. Проследив деятельность государственного департамента в 1939—1940 гг. по сколачиванию «нейтрального блока», можно придти к заключению, что уже в те времена в государственном департаменте вынашивался план создания некоего дипломатического аппарата, который в наши дни получил название «машины голосования».

II

С осени 1939 г. в американских газетах начали появляться статьи, указывающие на возможность и желательность мирного соглашения между Англией, Францией и Германией с целью совместных действий против СССР. Успехи советского правительства в деле создания фундамента «восточного» фронта против гитлеровской агрессии вызвали ярость врагов демократии. Последние прилагали бешеные усилия к тому, чтобы помешать благоприятному исходу советско-финских переговоров. Толкнув Финляндию на войну с Советским Союзом, международная реакция стремилась использовать советско-финскую войну для создания единого антисоветского фронта. Журнал «Стэйтист», высказав мнение, что «расстановка сил в нынешней Европе ещё не приняла окончательной формы», предлагал Гитлеру использовать со-

¹⁰ «New York Times» от 18 ноября 1939 года.

¹¹ «Time» от 11 августа 1941 года.

ветско-финскую войну для примирения Германии с «Западом»¹³. Под впечатлением антисоветской кампании, развернувшейся в Америке, в Лондоне стало складываться мнение, что «смелые» шаги правительства Англии и Франции по отношению к СССР, возможно, увлекут на этот путь и США¹⁴. В начале декабря США предприняли несколько шагов, которые вызвали удовлетворение в Лондоне: 2 декабря было объявлено об установлении «морального эмбарго» на экспорт военных материалов в СССР; 10 декабря США предоставили Финляндии заём в 10 млн. долларов. США оказали помощь Англии и Франции и в деле так называемого «исключения» СССР из Лиги наций, используя для этой цели те латиноамериканские страны, которые состояли членами Лиги наций. И именно в это время государственный департамент США начинает особенно сильно интересоваться перспективами «мира по соглашению» между западными державами и Германией.

Один по виду очень скромный шаг, предпринятый правительством США в конце декабря 1939 г., вызвал шумную сенсацию. Было объявлено, что президент направляет в Ватикан своего личного представителя на правах посла, чтобы «содействовать параллельным усилиям» США и Ватикана «в поисках мира»¹⁵. Представителем в Ватикан был назначен М. Тэйлор, располагавший широкими связями в правящих кругах Италии. Американская и английская печать расценивала назначение Тэйлора как «начало мирного наступления США». Установление связей с Ватиканом соответствовало политике США, направленной к собиранию и сплачиванию вокруг себя всех так называемых «нейтральных сил». Сотрудничество с главой католической церкви могло содействовать внутренней консолидации этого «нейтрального блока», поскольку оно должно было благоприятно отразиться на отношениях с правительствами стран Латинской Америки. Предполагалось также, что через Ватикан США могут оказывать влияние на политику Италии и Испании. Государственный департамент лелеял мысль о привлечении Италии и Испании на сторону своего «нейтрального блока». Устанавливая сотрудничество с Ватиканом, правительство США не забывало при этом и другие церкви¹⁶.

Вскоре после опубликования решения о посылке Тэйлора в Ватикан Рузвельт пригласил в Белый дом (5 января 1940 г.) итальянского посла Колонна. Значение этого шага подчёркивалось тем фактом, что с июля 1939 г. Рузвельт избегал встреч с итальянским послом, демонстрируя этим неодобрение правительством США захвата Италией Албании и общего курса её внешней политики. Президент выразил послу своё удовлетворение тем, что «общественное мнение» в США стало относиться к Италии более дружелюбно с тех пор, как она поддерживает свой нейтралитет в войне. Президент выразил надежду, что Италия и в дальнейшем будет оставаться нейтральной¹⁷. Из Рима в эти дни сообщали, что «Америке... суждено работать вместе с Италией в определении условий послевоенного мира»¹⁸.

В зимние месяцы 1939—1940 г. наблюдалась своеобразная «дипломатическая» деятельность представителей американских монополий, имевших крупные интересы в Германии и в скандинавских странах. Они совершали частые поездки в Рим, Берлин и в Скандинавию. Возвращаясь в США, они привозили с собой всяческие мирные проекты и доклады о политическом положении в Германии. В течение всей

¹³ «Statist» от 9 декабря 1939 года.

¹⁴ «New York Times» от 4 января 1940 года.

¹⁵ «Documents on American Foreign Relations». 1939—1940, p. 368—369. Boston. 1940.

¹⁶ «New York Times» от 10 января 1940 года.

¹⁷ «The Memoirs of Cordell Hull». Vol. I—II, p. 712—713. London. 1948.

¹⁸ «New York Times» от 8 января 1940 года.

зумы президент и государственный департамент осаждались лицами, просившими вмешательства США в пользу мира, прежде чем война вступит в более острую фазу¹⁹. Среди них были такие «бизнесмены с международными связями», как Уатсон, Дж. Муни, нефтяной магнат Рибер, Бен Смит, шведский капиталист Виннергрэн²⁰.

В начале января Рузвельт пришёл к мысли о посылке в Европу своего представителя со специальной миссией — выяснить возможности заключения мира. «В первых числах января, — рассказывает Уэллес, — президент пригласил меня побеседовать с ним... Он сказал мне, что с некоторого времени, — по существу, вскоре после начала войны, — он спрашивал себя, не остаётся ли ещё какого-нибудь шага, который он, как президент США, мог бы предпринять с целью предотвращения тех опасностей, которые столь очевидно встают... если только европейская война будет продолжаться. Ему казалось, что если только состоится давно ожидаемое решительное наступление Германии против западных держав, то было бы невозможно предвидеть результат войны». Продолжение войны, по мнению Рузвельта, было сопряжено с двумя опасностями: 1) «победа Гитлера немедленно создаст угрозу жизненным интересам США»; 2) «конечная победа западных держав может быть достигнута только после продолжительной и отчаянной борьбы, которая приведёт Европу к полному экономическому и социальному крушению»²¹.

Рузвельт сказал Уэллесу, что он решил послать личного представителя в Германию, Англию и Францию, а также в Италию, поскольку Италия, хотя и невоюющая страна, является партнёром Германии, для того чтобы выяснить взгляды четырёх правительств относительно возможности заключения «справедливого и вечного мира»²².

Первое публичное признание того, что правительство США намеревается принять участие в заключении мира и сыграть при этом руководящую роль, содержалось в послании Рузвельта конгрессу 3 января 1940 года. Указав, что Америке «не придётся вступать в войну», президент в то же время заявил: «Я предвижу руководящую роль, которую может сыграть наша страна в тот момент, когда наступит время для восстановления международного мира»²³.

Послание Рузвельта конгрессу и слухи о том, что он подготавливает какой-то «миротворческий акт», послужили поводом для широкой дискуссии в США и в Англии. Казалось бы, лидеры республиканской партии — Гувер, Тафт, Ванденберг и др., — называвшие себя «мирной партией», должны были приветствовать «мирные планы» Рузвельта. В действительности все эти слухи приводили их буквально в ярость. Они даже больше, чем Рузвельт, желали скорейшего заключения мира между западными державами и Германией, но не хотели допустить, того, чтобы на этом мирном посредничестве Рузвельт и демократическая партия составили себе политический капитал, обеспечивающий им победу на президентских выборах 1940 года. Лидеры республиканской партии старались доказать Уолл-стриту, что нельзя доверять Рузвельту такое важное дело, как защита «американских интересов» на мирной конференции. Республиканский публицист Гептисакс писал: «Нельзя доверять дело мира человеку, который душит бизнес»²⁴. Однако на Уолл-стрите не разделяли этого мнения. В данном вопросе из области

¹⁹ Alsop and Kintner. American White paper, p. 85. New York. 1940.

²⁰ Root W. The secret History of the war. Vol. I, p. 625—626; см. также «Daily Express» от 17 февраля 1940 года.

²¹ Welles S. The Time for Decision, p. 73. New York.

²² Там же, стр. 73—74.

²³ «The Public Papers and Addressess of Franclin D. Roosevelt». 1940, p. 2, 6.

²⁴ «New York Herald Tribune» от 14 января 1940 года.

внешней политики, так же как раньше в вопросе об отмене эмбарго на вывоз оружия в воюющие страны, наиболее влиятельные группы монополистического капитала были склонны поддержать Рузвельта. Помимо антисоветских соображений, с которыми в это время связывались «мирные» усилия США, у них были и другие основания не возражать против мирной инициативы президента.

Вся политическая атмосфера в январе — феврале 1940 г. была насыщена слухами о возможности мирного соглашения между англо-французским блоком и Германией. Эти слухи вызывали на Уолл-стрите опасения, что мир может быть заключён и без участия США. В этом случае не только не были бы приняты во внимание американские интересы, но — хуже того — мирное соглашение, возможно, угрожало бы даже этим интересам. Так буквально и говорил позднее М. Сэлливэн, защищая от нападок республиканцев решение правительства о посылке Уэллеса в Европу. «В пределах его (президента) полномочий, — писал он, — наблюдать за тем, чтобы интересам США не угрожали какие-нибудь мирные предложения, возникающие в определённых кругах»²⁵. Иначе говоря, Сэлливэн считал, что при сложившейся тогда политической конъюнктуре Рузвельт был обязан послать Уэллеса на разведку в Европу с тем, чтобы предупредить там какой-нибудь стовор без США или против интересов США. Но задача миссии Уэллеса совсем не сводилась к такого рода разведке положения в Европе. Обычно хорошо информированный вашингтонский корреспондент английского журнала «Спектейтор» указывал, что одна из главных целей миссии Уэллеса заключалась в том, чтобы «способствовать отысканию такого выхода, который не повёл бы к конечному крушению германской армии и, следовательно, — по мнению некоторых влиятельных лиц в государственном департаменте, — сохранил бы восточно-европейский барьер против большевизма». По словам корреспондента, представители государственного департамента, «высказываясь частным образом», открыто признавали, что «в разрушении германской военной мощи они видят реальную опасность» и «предпочитают мир по соглашению и сохранение германской армии полному уничтожению Германии»²⁶.

В конце января и в начале февраля англо-французская дипломатия лихорадочно работала над тем, чтобы обеспечить наиболее благоприятную политическую обстановку для антисоветской авантюры в Финляндии. Верховный Совет союзников принял 3 февраля решение послать в Финляндию англо-французские войска. В эти дни английская и американская печать обсуждала вопрос, каким путём войска союзников могут быть доставлены в Финляндию. Высказывалось мнение, что Англия и Франция с помощью США должны убедить Германию не чинить препятствий пропуску войск союзников через Норвегию и Швецию. Надежды на помощь Германии в этом вопросе не покидали англо-французских и американских империалистов до самого последнего дня. Что подобного рода надежды были присущи не только редакциям газет и журналов, но разделялись и английским правительством, показывала и речь Чемберлена от 19 марта 1940 года.

Гитлеровцы были весьма довольны тем, что союзники с головой погрузились в приготовления к войне с Советским Союзом, вместо того чтобы думать о предстоящей весенней военной кампании на западном фронте. Но они не желали видеть англо-французские войска в Норвегии и Швеции, что предоставляло бы западным державам лишний козырь в экономической и дипломатической войне против Германии. У Гитлера были наготове свои собственные агрессивные планы в отношении Скандинавии.

²⁵ «New York Herald Tribune» от 19 марта.

²⁶ «Spectator» от 8 марта 1940 года.

динавских стран. В то же время гитлеровская дипломатия считала выгодным для себя поддерживать у союзников надежды на соглашение с Германией.

В первых числах февраля лорд Тависток получил от германской миссии в Дублине германские «мирные предложения», которые он передал Галифаксу. Предложения эти сводились к следующему: 1) Германия предоставит Словакии «независимость», предусматривая, что Словакия навсегда останется «нейтральным» государством; 2) Германия предоставит «независимость» «реконструированной» Польше; 3) Германия согласна организовать плебисцит в Австрии, но рассматривает свои отношения с ней как внутренний вопрос и не согласится на иностранное вмешательство; 4) Германия готова возвратиться в Лигу наций при условии, что роль Англии и Франции в ней будет ослаблена. В «предложениях» говорилось также, что Германия не может существовать без экономических ресурсов, предоставляемых колониями. Однако Германия готова рассмотреть другие методы получения сырых материалов в качестве альтернативы возвращения её бывших колоний²⁷.

Тотчас же зашевелились английские умиротворители. Делегация, состоявшая из членов палаты лордов и палаты общин, обратилась к Чемберлену с просьбой принять её для того, чтобы обсудить вопрос, связанный с предложениями, полученными Тависток. Делегация ставила своей целью оказать давление на Чемберлена с тем, чтобы он согласился на посредничество Рузвельта и созыв мирной конференции²⁸.

В эти самые дни — в конце января или в первых числах февраля — Рузвельт принял окончательное решение послать Уэллеса в Европу. Президент снова пригласил к себе Уэллеса и сказал ему, что «после дальнейшего и тщательного обдумывания вопроса» он полагает, что его поездка в Европу «должна состояться без всякого промедления»²⁹. Окончательное решение правительства США о миссии Уэллеса было принято под впечатлением целого потока докладов и сообщений о политическом положении в Европе, которые в эти дни поступали в Вашингтон.

III

Официальное заявление президента о предстоящем визите Уэллеса в Европу было опубликовано 9 февраля. В заявлении говорилось, что Уэллес «не уполномочен делать предложения или принимать обязательства от имени правительства США» и что «визит совершается с единственной целью осведомления президента и государственного секретаря о существующих условиях в Европе»³⁰. В этот же день было объявлено, что начались «неофициальные переговоры» с правительствами нейтральных стран. «Эти переговоры,— говорилось в сообщении,— не связаны с какими-либо планами, а носят характер предварительного изучения вопросов, относящихся к здоровой международной экономической системе и, в то же время, к сокращению вооружений в международном масштабе»³¹. Опубликование в один и тот же день заявления о миссии Уэллеса и заявления о переговорах с нейтральными странами было далеко не случайным. Второе заявление должно было придать больше веса представителю США в его переговорах с правительствами воюющих стран. Оно как бы подчёркивало, что за миссией Уэллеса стоят не только США, но и все те страны, которые уже примкнули или примкнут к «нейтральному блоку».

²⁷ «New York Herald Tribune» от 1 марта 1940 года.

²⁸ Там же от 9 марта.

²⁹ Welles S. Указ. соч., стр. 74.

³⁰ «Documents...». 1939 — 1940. стр. 376.

³¹ Там же, стр. 375.

При отъезде в Европу Уэллес захватил с собой меморандум, содержащий изложение основных принципов «экономической внешней политики США». Этот документ Уэллес вручал всем правительствам во время своих визитов в европейских столицах. «Основные принципы» сводились к следующему: 1) каждая страна должна иметь равный доступ к мировым ресурсам и возможность сбыта своих излишков на основе торговли без дискриминации; 2) международная торговля не должна нарушаться попытками заключения двусторонних и дискриминационных соглашений, высокими тарифными барьерами, квотами и ограничениями обмена валюты³². Меморандум представлял собой «мирную программу» США в области экономических отношений.

Уэллес выехал в Европу 17 февраля. На борту парохода вместе с ним находился и Тэйлор, направлявшийся в Ватикан.

Никто ни в Америке, ни в Европе не верил официальному объяснению целей миссии Уэллеса. Международная обстановка была такова, что неизбежно должна была привлечь к этой миссии самое пристальное внимание. В течение шести недель молчаливая фигура американского дипломата находилась в фокусе мировой политики. Политическая атмосфера, и без того насыщенная всяческими слухами и предположениями, теперь наполнилась ими до предела. В своей поездке по Европе Уэллес, по выражению одного журналиста, был «окутан густым облаком слухов». «Из множества слухов, связанных с таинственной миссией Уэллеса,— писала «Нью-Йорк геральд трибюн»,— можно сделать только один вывод: где-то должно состояться изрядное количество азартных политических сделок». Подобное заключение подсказывалось не только общей политической обстановкой, но и самой личностью помощника государственного секретаря.

Было известно, что Уэллес не питает особых симпатий к Англии. Изоляционисты, бдительно следившие за малейшим проявлением англофильства среди государственных деятелей США, не могли обнаружить у Уэллеса никаких признаков этой «болезни», если не считать его пристрастия к элегантным английским костюмам. Уэллес являлся непримиримым противником британской системы имперских преференций. С его именем был связан план «нейтрального блока» как орудия давления не только на Германию, но и на Англию. В Лондоне учитывали эту личную особенность американского представителя³³.

Пока Уэллес находился в пути, в английской печати велась дискуссия о задачах его миссии и тщательно взвешивались все её положительные и отрицательные стороны с точки зрения английских интересов. Англо-американское соперничество в борьбе за мировые экономические позиции продолжалось и в условиях войны. США были полны решимости не допустить поражения Англии и раздела её колониальной империи и, несомненно, желали ослабить, в известных пределах, Германию. Но в то же время США не скрывали своего намерения использовать войну для того, чтобы вытеснить с латиноамериканского рынка не только Германию, но и Англию, чтобы изгнать из Латинской Америки не только германское политическое влияние, но и английское. Англичане хорошо понимали, что США намереваются и готовятся использовать первое же серьёзное затруднение Англии для ликвидации или, по меньшей мере, для ослабления системы британских имперских преференций под флагом борьбы за «равный доступ» к мировым рынкам и источникам сырья. Успех США в этом направлении означал бы глубокое экономическое и политическое проникновение американцев в Британскую империю, её подчинение целям американского империализма. Усилив своё влияние в странах Британской империи, США

³² «Documents...». 1939—1940, стр. 376—377.

³³ «Times» от 12 февраля 1940 года.

получили бы возможность контролировать и внешнюю политику самой Англии.

Находясь в состоянии войны с Германией, Англия в то же время бдительно следила за поведением своего заокеанского «покровителя» и соперника. Англия не собиралась сдавать без боя свои позиции в мировой торговле и в мировой политике. Эта решимость английских правящих кругов была особенно заметна в первые месяцы войны, когда в Англии никто серьезно не думал о возможности поражения и когда Англия, опираясь на союз с Францией, чувствовала себя достаточно сильной для того, чтобы вести «ненастоящую» войну против Германии и одновременно отстаивать свои интересы и мировые позиции против натиска Америки. Черчилль признаёт, что отношение США к Англии в зимние месяцы 1939—1940 г. «было более холодным, чем в какое-либо другое время», и что он, Черчилль, «упорно продолжая свою переписку с президентом» Рузвельтом, не получал «серьёзного отклика»³⁴.

В рядах господствующего класса Англии не было полного единодушия в вопросе о роли США в мирном урегулировании. Некоторые представители консервативных кругов, как, например, английский посол в США Лоттиан, высказывались в пользу самого тесного политического и экономического сотрудничества англо-саксонских держав и приветствовали намерение США принять участие в заключении мира. Эти взгляды рьяно защищали также многие лейбористские публицисты, высказывая мысль о том, что Англия, устав играть роль великой державы, должна примириться с необходимостью «отдохнуть», перейдя на иждивение своей «старшей дочери» — Америки. Но весьма влиятельные круги английской буржуазии не разделяли этих взглядов. Особенно непримиримой была позиция лондонского Сити, полагавшего, что при сотрудничестве с Парижем и Берлином Англия может сохранить свою роль международного финансового центра, а при сотрудничестве с Уолл-стритом — потерять почти всё. Уэллес отмечал, что «могущественные элементы в финансовых и промышленных кругах (Англии) всё ещё полагали, что господство Гитлера в Европе и сохранение независимого Британского Содружества наций не обязательно противоречат друг другу»³⁵. Эти круги полагали, что участие США в мирном урегулировании является неизбежным и даже желательным, но они решительно отказывались признать притязания США на руководящую роль в этом деле.

Заявление Рузвельта о том, что он предвидит руководящую роль, которую США могут сыграть в деле восстановления мира, было встречено в Лондоне весьма холодно, а в некоторых кругах даже и враждебно. «Economist» писал по поводу этого заявления: «Если война должна вестись единственно силами Англии и Франции, то в этих условиях трудно понять, на чём основываются притязания США на «руководящую роль» в послевоенном мире»³⁶. По словам «Таймс», многие англичане обнаружили большую враждебность ко всякой идее участия США в устанавлении мира: «Если они не вносят свою долю теперь, то почему же они должны вмешиваться и сказать нам всё, что надлежит делать после войны»³⁷. Фергс в «Дэйли телеграф» заявлял, что если США желают играть руководящую роль в деле мира, пусть они берут тогда на себя и руководство войной. «Но если Англии и Франции предоставят одним вести войну, тогда именно они, а не нейтральные страны, будут определять существенные очертания мира»³⁸.

³⁴ Churchill W. The Second World War. Vol. I. p. 435. London. 1948.

³⁵ Welles S. Указ. соч., стр. 76.

³⁶ «Economist» от 6 января 1940 года.

³⁷ «Times» от 16 апреля 1940 года.

³⁸ «World News and Views» от 17 февраля 1940 года.

В Лондоне и в Париже ожидали прибытия Уэллеса, по словам газет, «со смешанным чувством беспокойства и интереса». Сам Уэллес говорит, что как в Англии, так и во Франции объявление о его визите «вызвало значительное замешательство и некоторые опасения»³⁹. Чем же объясняется эта двойственность по отношению к миссии Уэллеса? Если поверить Уэллесу, «определённые круги в обеих странах выражали страх, что американское правительство возможно намеревается бросить всё своё влияние в пользу мира любой ценой»⁴⁰. В таком же духе высказывалась и английская печать. Читая английскую прессу того времени, можно было подумать, что правящие круги Англии были настроены к Германии куда более непримиримо, чем правительство США. Это, конечно, нелепость. Как мы увидим дальше, даже сами англичане советовали Уэллесу не принимать на веру эту чисто показную непримиримость позиции Англии и Франции.

Английская и французская дипломатия как раз в эти дни особенно активно искала путей к мирному соглашению с Германией на основе совместных действий в «финском вопросе», и оба правительства приветствовали бы содействие Уэллеса в решении этой дипломатической задачи. В этом своём аспекте миссия Уэллеса отвечала интересам правящих кругов Англии. Но она имела и другой, неприятный для них аспект. Уже тот факт, что заявление о выезде Уэллеса в Европу сопровождалось сообщением о начале переговоров США с нейтральными странами по вопросам, относящимся к «здоровой международной экономической системе», указывал Лондону, что Уэллес будет соблазнять Гитлера и Муссолини американской экономической «программой мира», задевающей интересы Англии. Английская печать обвиняла американцев в чрезмерно «деловом» подходе к вопросам мира, в забвении или игнорировании «моральных ценностей», ради которых якобы ведётся война правительствами Англии и Франции. В связи с опубликованием заявления о миссии Уэллеса «Таймс» писала: «Американцы всё ещё не отдают себе отчёта в характере и размерах своей ответственности за мир». «Хэлл при поддержке Рузвельта никогда не упускал случая настаивать на одном аспекте этой ответственности (устранение высоких тарифных барьеров). Но не будет проявлением неуважения к государственному секретарю сказать, что могут существовать другие, и более важные, аспекты, относительно которых руководители американского правительства или не способны или не желают говорить»⁴¹. Английским бизнесменам не нравился «деловой» подход их американских конкурентов к вопросам мира потому, что за «деловой мир» пришлось бы платить Англии уступками в области британской системы имперских преференций и в других областях мировой торговли.

IV

Уэллес прибыл в Рим 25 февраля, через день после того, как Гитлер и Чемберлен произнесли публичные речи, содержавшие весьма туманное изложение целей войны своих государств. Чемберлен заявил, в частности, что когда «Германия даст надёжные доказательства своей доброй воли, она не найдёт недостатка желания у других помочь ей в преодолении экономических трудностей, которыми, повидимому, будет сопровождаться переход от войны к миру»⁴². Гитлер снова требовал признания за Германией свободы действий в её «жизненном пространстве» и «справедливой доли в своих собственных колониях». Речи Гитлера и Чемберлена имели прямое отношение к миссии Уэллеса, снабдив его канвой для переговоров в четырёх европейских столицах.

³⁹ Welles S. Указ. соч., стр. 74.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Times» от 12 февраля 1940 года.

⁴² Там же от 26 февраля.

Уэллесу было выгоднее всего начать свои европейские переговоры с посещения Рима. Муссолини рассматривался как весьма подходящий посредник в переговорах с Германией. По словам американского корреспондента, сопровождавшего Уэллеса, «Муссолини является центральной фигурой в путешествиях Уэллеса»⁴³. Если бы удалось убедить Муссолини примкнуть к американскому «нейтральному блоку», тогда средства давления и на Германию и на её противников значительно увеличились бы.

Уэллес имел беседы с итальянским министром иностранных дел Чиано и с Муссолини. «В соответствии с той линией, которой я решил следовать,— пишет Уэллес о своей беседе с Чиано,— я пытался всеми возможными способами подчеркнуть выгодность для Италии сохранять действительный нейтралитет в Европейской войне... США, в полной гармонии со всеми другими американскими республиками,— говорил он Чиано,— представляют один большой фактор нейтрального влияния в мире. Италия до сих пор представляла другой фактор нейтрального влияния. Если возникнет возможность для установления... мира, усилия этих двух нейтральных влиятельных факторов в деле заложения основ мира могли бы быть более эффективными при их сотрудничестве, чем если бы они пошли разными дорогами». Уэллес указал Чиано на возможность договориться о расширении итали-американской торговли, но лишь при условии сохранения Италией нейтралитета⁴⁴.

По словам Уэллеса, его беседа с Муссолини касалась главным образом проблем экономической политики и вопроса о разоружении. Уэллес вручил Муссолини меморандум, излагавший американские принципы «экономической политики». Прочитав документ, Муссолини сказал, что он подписался бы под каждым его словом. Когда наступит мир, влияние США будет решающим, заявил Муссолини, и поэтому американские экономические принципы, которые он поддерживает, тогда были бы приняты. Муссолини сказал также: «Когда начнутся мирные переговоры, должны быть удовлетворены справедливые притязания Италии. Я не понимаю их сегодня, потому что сумасшедший дом, каким является Европа, не выдержит новых элементов возбуждения. Но не может быть никакого реального мира до тех пор, пока Италия не будет иметь свободного выхода из Средиземного моря»⁴⁵. В переводе на простой язык это означало, что Муссолини обещал поддержать на мирной конференции американскую экономическую «программу мира» в обмен за поддержку американцами итальянских притязаний на Гибралтар и Суэцкий канал. На вопрос Уэллеса, считает ли он данный момент благоприятным для мирных переговоров, Муссолини ответил решительным «да». «Никто не желает сейчас войны,— сказал он,— но если начнётся реальная война, тогда надолго будет потеряна возможность для мирных переговоров». В заключение Муссолини выразил желание снова побеседовать с Уэллесом, когда последний будет в Риме на обратной дороге в Вашингтон⁴⁶.

В Берлин Уэллес прибыл 1 марта. В этот день английский журнал «Спектэйтор» опубликовал статью, в которой поведал Гитлеру, какие большие надежды возлагались в Англии, по крайней мере в консервативных кругах, на его переговоры с Уэллесом. Отметив кажущуюся непримиримость взглядов и целей воюющих сторон, обнаружившихся в заявлениях Гитлера и Чемберлена от 24 февраля, журнал ставил вопрос, не напрасно ли Уэллес пересек Атлантику и не лучше ли ему отправиться домой. «Так выглядят вещи при поверхност-

⁴³ «Daily Express» от 11 марта 1940 года.

⁴⁴ Welles S. Указ. соч., стр. 78—79.

⁴⁵ Там же, стр. 85—86.

⁴⁶ Там же, стр. 88.

ном рассмотрении», — отвечал журнал на этот вопрос. «Если Уэллес, в обстановке полной конфиденциальности, получит намёки, которые в какой-либо существенной степени сузят пропасть между воюющими странами, тогда появится возможность медленного возведения некоего моста через эту пропасть». Мало вероятно, чтобы Гитлер был непримиримым. «Гитлер не ожидал и не желал войны с Францией и Англией. Он никогда не вторгся бы в Польшу, если бы знал о тех последствиях, которые имели место. Почти несомненно, что он предпочитает мир войне на условиях, которые помогли бы ему сохранить лицо». «Спектейтор» выдвинул план возвращения Германии в «семью западных народов» при помощи американских займов. «Когда бы мир ни наступил, — говорилось в статье, — Германия будет стоять перед труднейшими экономическими проблемами, и американские займы имели бы существенное значение для неё». Журнал советовал Уэллесу не пускаться в обсуждение деталей чешского и польского вопросов, а лучше сосредоточить внимание на вопросе, который поднял в своей речи Чемберлен, т. е. «на готовности Англии помочь Германии... преодолеть экономические трудности». «В этом, очевидно, заключается отправной пункт для конструктивных планов в такой области, в которой американское сотрудничество является обязательным и без сомнения, при подходящих условиях, было бы предложено (Америкой). Если люди, подобные Шахту, всё ещё имеют вес в Берлине... значение этой возможности не ускользнёт от внимания Германии»⁴⁷.

В Берлине Уэллес имел продолжительные беседы с Гитлером, Риббентропом, Герингом, Гессом и Вейцзекером. Говорили, что в течение трёх дней Уэллес видел больше «главных фигур» Германии, чем их когда-либо видели Чемберлен, Галифакс, Дж. Саймон и А. Иден. «Мирная программа» Германии, изложенная фашистскими лидерами во время этих бесед, в основном совпадала с мирными предложениями, переданными в начале февраля английскому правительству через лорда Тауистока. Риббентроп, к немалому возмущению Уэллеса, сказал, что «в Европе Германия желает иметь не больше того, чем располагают США, посредством доктрины Монро, в Западном полушарии». Изложение немецких «мирных целей» Гитлер и его сообщники неизменно заканчивали словами: «Германия желает мира, но только при условии, что раз и навсегда будет покончено со стремлением Англии уничтожить Германию», и они «не видят никаких других средств для достижения этой цели, кроме полной и решительной победы Германии». На них не произвели заметного впечатления слова Уэллеса о том, что «если теперь начнётся опустошительная война..., вся экономическая и социальная структура Европы будет разрушена». Не придали они большого значения и заявлению американского дипломата о готовности правительства США принять участие в мирном урегулировании на основе своей программы, состоящей из двух пунктов — сокращение вооружений и возвращение всех стран к «здоровой практике» в области мировой торговли⁴⁸.

Уэллес пришёл к выводу, что убедить «ограниченного» Риббентропа и «фанатичного» Гесса невозможно. Кое-какие надежды подавал Геринг. Когда американский представитель прочитал ему американский меморандум об экономических принципах, Геринг заявил, что он «согласен с каждым словом этого документа и что германское правительство во время переговоров будет от всего сердца сотрудничать в осуществлении этой политики»⁴⁹. Повидимому, Геринг и на этот раз

⁴⁷ «Spectator» от 1 марта 1940 года.

⁴⁸ Welles S. Указ. соч., стр. 95—96; см. также Simoni L. Berlin Ambassade d'Italie, p. 94. Paris, 1947.

⁴⁹ Там же, стр. 117—118

исполнял порученную ему роль, заключающуюся в том, чтобы поддерживать версию о «хороших» и «плохих» нацистах, имевшую хождение в правящих кругах западных держав.

Покидая Берлин, Уэллес, по его словам, потерял всякую надежду на возможность предупредить начало «опустошительной» войны и пришёл к заключению, что Муссолини как мирный посредник никакого значения иметь не может, потому что его влияние на политику Германии исчезло. Однако поведение Уэллеса в последующие две недели даёт основание сомневаться в том, что он уже в эти дни потерял «всякую надежду», хотя является несомненным, что его визит в Берлин не оправдал тех надежд, которые на него возлагались. Даже посторонним наблюдателям стало очевидно, что тех «намёков», на которые надеялись в Лондоне, Гитлер американскому представителю не сделал.

После визита Уэллеса в Берлин позиция части английской печати по отношению к его миссии становилась явно враждебной. Газеты высказывали опасения, что миссия Уэллеса «деморализует народ» в Англии и во Франции и усиливает позиции «пораженцев». Лондонский корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» указывал на «заметное ожесточение чувств» по отношению к миссии Уэллеса⁵⁰. Частично это объяснялось разочарованием в результатах его визита в Берлин, с которым связывались ожидания «драматического поворота событий». Кроме того усилились подозрения к намерениям и поведению американского представителя. В печати появились сообщения о том, что в Риме Уэллес дал Муссолини некоторые обещания, выполнение которых нанесёт ущерб интересам Англии и Франции в бассейне Средиземного моря. Значительную роль сыграли и антианглийские выступления в конгрессе и в печати США.

На другой день после беседы Уэллеса с Гитлером в печати появилось сообщение из германских источников о том, что Гитлер якобы выставил в качестве одного из условий мира ликвидацию морского превосходства Англии и, в частности, «выкорчёвывание пиратских гнёзд» в Гибралтаре, Сингапуре и на Мальте. Это сообщение послужило сигналом для выступлений друзей Гитлера в США: они немедленно потребовали «выкорчёвывания английских пиратских гнёзд» в Западном полушарии. Реакционный сенатор Рейнольдс внёс 4 марта в сенат проект резолюции, уполномочивающей президента США вступить в переговоры с Англией относительно приобретения некоторых английских владений в Карибском море в счёт английского военного долга. «В настоящее время,— говорил американский Шейлок,— Англия должна США... 4.368.000.000 долл. и процентов на них 1.206.430.793 долл. и 82 цента. США должны помочь Англии освободиться от этих долгов»,— издевался Рейнольдс. «Я думаю, что мы должны постараться помочь нашим английским братьям и кузенам. В этот час, когда они отчаянно сражаются за свою жизнь, мы можем совершить настоящий акт милосердия, сказав им: «Мы желаем помочь вам. Мы знаем, что вы переобременены долгами. Мы знаем, что всё золото, которое вы сберегли, вы намереваетесь использовать для покупки военного снаряжения... в США. В дополнение ко всем мировым заботам, которые лежат на ваших плечах, вы имеете долг, превышающий 5.000.000.000 долл. Мы собираемся снять некоторую часть забот и ответственности с ваших плеч; мы намереваемся помочь вам, предоставив возможность уплатить ваш долг нам... путём передачи нам некоторой собственности, которой вы владеете в Западном полушарии». Рейнольдс назвал те владения, которые американцы желали бы приобрести: Бермуда, Ямайка, Британский Гондурас и др.⁵¹.

⁵⁰ «New York Herald Tribune» от 4 марта 1940 года.

⁵¹ «Congressional Record» от 4 марта 1940 г., стр 3508 — 3509.

Англичане привыкли за последние 20 лет к подобного рода выступлениям, и ничего, кроме раздражения, речь Рейнольдса не вызвала бы в Лондоне в обычных условиях. Но весьма неприятно было то, что предложение Рейнольдса оказалось приуроченным не только к моменту визита Уэллеса в Берлин, но и ко времени возвращения Рузвельта из инспекционной поездки в район Панамского канала. По заявлению Рузвельта, инспектирование убедило его в том, что канал нуждается в усилении обороны и что последняя должна иметь более широкую зону. В американской печати в связи с этим указывалось, что Рузвельт должен прийти к выводу о необходимости приобретения островных владений европейских держав и что резолюция Рейнольдса указывает путь к разрешению этой задачи. Изоляционистская газета «Таймс геральд» поставила в порядок дня вопрос об американской доле в «английском наследстве». «Возможно,— писала газета,— что Британская империя будет разрушена в ходе этой войны». «Будет лучше, если мир уже сейчас узнает, что мы собираемся получить из английского наследства»⁵².

Естественно, что такого рода выступления в конгрессе и в печати не могли не способствовать «ожесточению чувств» англичан по отношению к миссии Уэллеса.

В Париж Уэллес прибыл 7 марта, в тот самый день, когда Даладьё направил финскому правительству ноту, в которой говорилось, что союзники ждут только «призыва со стороны Финляндии для того, чтобы прийти к ней на помощь всеми средствами, которые находятся в их распоряжении»⁵³. Успехи Красной Армии на Карельском перешейке вызвали со стороны международной реакции бешеные усилия спасти свой «Северный фронт» от полного разгрома. Однако правительство Финляндии в это время уже решило начать мирные переговоры с советским правительством. Стремясь сорвать прямые переговоры между СССР и Финляндией, англо-французская дипломатия пыталась вовлечь в свою авантюру и США под видом «мирного посредничества». Рузвельт не позволил втянуть себя в эту опасную игру. На пресс-конференции 9 марта он ограничился заявлением о том, что США не получали приглашения посредничать в советско-финской войне. В то же время в сообщениях из Вашингтона говорилось, что американское правительство не желает действовать в качестве посредника потому, что, как показал горький опыт, действия в этом направлении не способствовали укреплению престижа США, и что роль США в финском вопросе «может представляться скорее в виде могущественного влияния за кулисами, чем в виде прямого посредника»⁵⁴.

Роль, которую в эти дни играл Уэллес, почти совсем не освещена. Сам он о днях, проведённых в Париже и в Лондоне (7—14 марта), в своей книге ничего существенного не говорит, ограничившись простым перечислением многочисленных визитов к политическим деятелям Франции и Англии. Он признаётся, что многие из его бесед в Лондоне и в Париже были связаны с такими вопросами, «которые ни в коем случае не могут быть преданы гласности до окончания войны». Однако и после войны ни Уэллес, ни кто-либо другой всё ещё не находят возможным приподнять хотя бы краешек завесы, прикрывающей тайну его деликатных переговоров в Париже и в Лондоне.

Хотя феноменальная молчаливость являлась одной из личных особенностей Уэллеса, всё же сведения о содержании его бесед проникали в печать. Большую сенсацию в своё время вызвала статья, опубликованная журналом «Тайм энд Тайд» тотчас же после отъезда Уэллеса из Лондона.

⁵² «Congressional Record» от 4 марта 1940 г., стр. 4565.

⁵³ «Manchester Guardian» от 13 марта 1940 года.

⁵⁴ «New York Herald Tribune» от 10 марта 1940 года.

«Тот покров, — говорилось в статье, — который пытались набросить на миссию Уэллеса, оказался дырявым во время его визита в Лондон. С ним встречалось значительное число людей, у которых может быть почерпнуто довольно ясное представление о его взглядах». По словам журнала, Уэллес из своего визита в Рим вынес впечатление, что Муссолини желает играть роль «великого миротворца». Когда же ему указали, что Муссолини определённо желал бы играть другую «великую роль», если бы он не боялся англо-французского флота в Средиземном море, Уэллес заметил, что это — слишком «злое суждение об общем друге». Из своего визита в Берлин Уэллес вынес убеждение, что «100 процентов немцев с энтузиазмом поддерживают Гитлера». Когда некоторые из его собеседников указывали Уэллесу на ту роль, которую нацисты сыграли в Европе накануне войны, Уэллес выражал досаду, давая понять, что нужно смотреть не в прошлое, а в будущее. «Его постоянный аргумент сводился к тому, что всё, в чём нуждается Европа, — это безопасность, намекая таким образом, что американцы не могут понять, из-за чего, собственно говоря, идёт война». В статье говорилось, что во всех беседах Уэллес обнаруживал «тревогу по поводу положения бизнеса после войны» и что «он был одержим навязчивой идеей, что если война продлится слишком долго, бизнес может серьёзно пострадать»⁵⁵.

Одним из поводов для обвинений Уэллеса в избытке «делового» подхода к европейским проблемам и попытках «трактовать войну так, как если бы она являлась чисто деловым предприятием», послужил тот факт, что американский дипломат во всех столицах вручал меморандум об основах экономической внешней политики США как существенную часть будущего международного соглашения. Если Муссолини и Геринг хотя бы внешне выразили свою готовность подписаться «под каждым словом» этого меморандума, то в Англии последний расценивался как покушение на один из устоев Британской империи — систему имперских преференций⁵⁶. После визита Уэллеса в Рим его имя стало ассоциироваться со слухами о том, что он склонен на большие уступки Германии в обмен на её согласие принять американские принципы в области внешней торговли и что его миссия готовит новый Мюнхен, жертвой которого будет Англия. «Визит Уэллеса в Европу, — писала «Манчестер гардиан», — для некоторых людей выглядит как неприятное напоминание о визите лорда Рэнсимена в Чехословакию. Не является ли это манёвром с целью купить мир на час ценою принесения новой жертвы за счёт свободы и с перспективой определённой катастрофы в будущем? Самым верным средством достижения этой цели явилась бы конференция с несломленной и неукрощённой силой Гитлера... Это был бы Мюнхен в более крупном масштабе»⁵⁷.

Вашингтонский корреспондент журнала «Спектэйтор» указывал, что умиротворители из государственного департамента готовы «со всем пылом поставить американское влияние на сторону мира по соглашению, который почти неизбежно был бы связан с существенными уступками» со стороны союзников и что «больше невозможно говорить с уверенностью, что США не приняли бы участия в заключении мира, не вполне удовлетворяющего союзников»⁵⁸.

В Вашингтоне заметили, конечно, враждебную реакцию, которую вызвала миссия Уэллеса в Англии, особенно в лейбористских и либеральных кругах. Рузвельт решил рассеять подозрения, вызванные миссией Уэллеса, отмежевавшись от вольных или невольных прегрешений

⁵⁵ «Time and Tide» от 16 марта 1940 года.

⁵⁶ «Economist» от 16 марта 1940 года.

⁵⁷ «Manchester Guardian» от 18 марта 1940 года.

⁵⁸ «Spectator» от 8 марта 1940 года.

своего представителя. В своей речи 16 марта Рузвельт сказал: «В настоящее время мы стремимся отыскать моральную основу для мира. Мир не может быть реальным миром, если он оказывается неспособным признать братство... Он не может быть здоровым миром, если малые государства должны испытывать страх перед могущественным соседом. Он не может быть справедливым миром, если отрицается служение богу»⁵⁹.

Трудно было подобрать для определения мира, к которому якобы стремились США, слова, более далёкие от «низменных деловых соображений», в которых обвинялся Уэллес. Более «возвышенным» языком не выражался даже и сам Чемберлен. Речь Рузвельта дезавуировала Уэллеса в той степени, в какой его слова или намёки могли породить обвинение в вышеуказанных грехах против «возвышенных» военных целей союзников. Так именно и расценивалась речь Рузвельта в Англии. «Манчестер Гардиан» писала, что Рузвельт «выбрал свои слова с учётом тех слухов, которые наводняли Европу»⁶⁰.

V

Уэллес прибыл вторично в Рим 16 марта. В эти дни многие столицы капиталистического мира ещё не оправались от сильного шока, вызванного подписанием советско-финского мирного договора. Антисоветские планы, основанные на расчётах использовать советско-финскую войну, лопнули, как мыльные пузыри. В правящих кругах Англии и Франции уныло говорили о том, что теперь, возможно, придётся иметь дело с «реальной войной», потому что война будет локализована на Западе.

Дипломатический аппарат Англии, Франции и США и все враги демократии спешно перестраивали свои ряды. Лихорадочно выработывались новые планы. Д. Томпсон следующим образом охарактеризовала эффект побед Красной Армии и советской дипломатии: «Время между окончанием советско-финской войны и встречей Муссолини с Гитлером у Бреннера (18 марта), несомненно, являлось наиболее критической неделей с самого начала войны. Когда смолк гром сражения на русско-финском фронте, на поверхность выплыли некоторые факты, весьма существенные для положения в Европе. Один из этих фактов — сила и значение русской армии, относительно которой многие журналисты, включая автора этой статьи, были плохо информированы. Это большой фактор, и с ним нужно считаться. Успех России внёс панический страх в ряды консерваторов и в нейтральных странах и в Англии, во Франции и в Германии и оживил никогда не увядавшую надежду на то, чтобы против мира по соглашению привести Германию в свой лагерь и псевдуть против «действительного врага» — против России»⁶¹.

В эти дни в центре всеобщего внимания находился Рим. Ещё 9 марта туда прибыл Риббентроп. В атмосфере «неувядающих» надежд на мир с Германией визит Риббентропа поспешили связать с подготовкой нового большого «мирного наступления». Председатель иностранной комиссии американского сената Питтмен в этот день в своей речи по радио призывал воюющие страны заключить перемирие на 30 дней с тем, чтобы «хладнокровно обсудить цели войны» при посредстве «добрых услуг» со стороны нейтральных стран⁶². В действительности же визит Риббентропа если и имел некоторое отношение к предстоящему германскому наступлению, то только не к «мирному наступлению». В Берлине были недовольны тем, что Муссолини слишком по-

⁵⁹ «The Public Papers», 1940 volume, p. 104.

⁶⁰ «Manchester Guardian» от 18 марта 1940 года.

⁶¹ «New York Herald Tribune» от 22 марта 1940 года.

⁶² Там же, от 10 марта.

спешно склоняется в пользу американского плана мирного посредничества. Бывший сотрудник итальянского посольства в Берлине Л. Симони цели визита Риббентропа в Рим объясняет в своих мемуарах так: «Позволить заместителю государственного секретаря вернуться в Италию до того, как состоится консультация между Берлином и Римом, означало бы предоставить нашему правительству свободу действий. Этого немцы не могли допустить. Они хотели принудить нас к большей сдержанности в случае нового предложения о посредничестве»⁶³. Когда Уэллес прибыл в Рим, Чиано и Муссолини сообщили ему, что Риббентроп во время своего визита говорил о том, что Германия считает мирные переговоры невозможными и что она предпримет немедленное наступление. Муссолини сказал, что германского наступления нужно ожидать в ближайшие дни⁶⁴.

Муссолини сообщил Уэллесу также о том, что на 18 марта назначена его встреча с Гитлером. Для того чтобы он, Муссолини, имел какую-либо надежду убедить Гитлера отложить своё наступление, он должен иметь возможность сообщить ему, что правительства союзных стран не проявят полной непримиримости в том случае, если будут предприняты переговоры. Муссолини спросил Уэллеса, не уполномочит ли он его передать Гитлеру те «впечатления», которые американский представитель составил в Лондоне и Париже относительно возможности разрешить территориальные и политические вопросы путём переговоров. Уэллес ответил, что он не имеет права давать подобного рода полномочия и что ему потребуются специальные инструкции от президента. Уэллес добавил, что он охотно поговорит по телефону с президентом и сможет передать Муссолини решение Рузвельта через графа Чиано⁶⁵. По словам Чиано, ответ Рузвельта был отрицательным. Рузвельт не желал брать на себя какие-либо обязательства «раньше, чем он внимательно изучит результаты европейской миссии своего сотрудника»⁶⁶.

В беседе с Чиано Уэллес сказал, что ни в Париже, ни в Лондоне он не обнаружил какой-либо непримиримости, а только лишь желание двух правительств иметь практические и полные гарантии «против повторения войны такого же рода». Чиано ответил, что, по его мнению, единственный практический способ решить проблему «безопасности» в Европе состоит в организации пакта четырёх держав: Англии, Франции, Италии и Германии. Уэллес не нашёл в этом плане ничего плохого, за исключением того, что, по его мнению, пакт четырёх держав нужно было бы дополнить соглашением о международном контроле над вооружениями⁶⁷.

Таким образом, сам Уэллес подтверждает основательность тех опасений, которые в те дни высказывались на страницах левой печати, а именно, что переговоры Уэллеса в Европе могут быть использованы в качестве первого шага для создания поддерживаемого Америкой западноевропейского блока в виде нового издания старого проекта пакта четырёх держав, направленного против СССР. «С точки зрения империалистов доллара, — писал «Уик», — западноевропейский союз, направленный против Советского Союза и зависимый от США, должен представлять собой высшую цель дипломатии. В этом случае вся Европа выполняла бы для Нью-Йорка и Вашингтона те же обязанности, которые, как предполагалось когда-то, Германия будет выполнять для лондонского Сити, а именно — охранять мир от большевистской опасности... Имеются все признаки того, что как в США, так и в Ан-

⁶³ Simoni L. Указ. соч., стр. 98.

⁶⁴ Welles S. Указ. соч., стр. 133; см. «The Ciano Diaries», p. 218. New York. 1946.

⁶⁵ Welles S. Указ. соч., стр. 139, 141.

⁶⁶ «The Ciano Diaries», стр. 222.

⁶⁷ Welles S. Указ. соч., стр. 135, 137.

глии существуют силы, которые приветствовали бы установление отношений этого типа, подразумевающих, что Западная Европа — при условии американских займов — согласилась бы выполнить такую работу... по ослаблению сил коммунистического мира»⁶⁸.

Переговоры Гитлера с Муссолини расценивались английской и американской печатью как «высшая точка» в развитии событий, связанных с миссией Уэллеса. Сообщение о том, что Гитлер и Муссолини находятся на пути к месту своего свидания, дополненное сообщением, что Уэллес задержит свой отъезд из Европы на день или два, раздуло мыльный пузырь слухов до чудовищных размеров. В сообщениях из Рима говорилось, что свидание Гитлера и Муссолини посвящено пересмотру первоначальных мирных предложений, чтобы согласовать их с американскими, что Муссолини будет убеждать Гитлера отложить своё наступление и согласиться на дальнейшие уступки в интересах компромиссного мира. В этот же день, 18 марта, «из ватиканских источников» были переданы для опубликования в печати «11 пунктов» мирных предложений, якобы вручённых Гитлером Уэллесу, и которые теперь на Бреннерском перевале должны были подвергнуться пересмотру. Ожидание «драматического поворота событий» достигло своего предела.

Разочарование наступило быстро. Вернувшись в Рим, Муссолини отказался встретиться с Уэллесом. Чиано информировал Уэллеса о результатах переговоров у Бреннера. Он сказал, что Гитлер не поднимал вопроса о мирных предложениях, но что Гитлер решил отложить ожидавшееся в ближайшие дни большое наступление по соображениям, связанным с «погодой». Чиано выразил надежду, что США используют первую благоприятную возможность для мирной инициативы и что Италия поддержит эту инициативу⁶⁹. По словам Чиано, Уэллес был доволен тем, что «непосредственной опасности военного столкновения» пока не было и что, таким образом, «Рузвельт будет иметь время изучить доклад Уэллеса и, может быть, предпринять некоторые мирные шаги. Уэллес говорил также относительно возможности свидания Рузвельта с Муссолини на Азорских островах»⁷⁰.

19 марта явилось днём сплошных опровержений. Правительства Англии и США заявили о том, что им ничего неизвестно об «11 пунктах». Ватикан опроверг свою причастность к опубликованию этих мирных предложений. Уэллес заявил, что он не получал и не передавал каких-либо мирных предложений⁷¹. Германское правительство также поспешило отмежеваться от «11 пунктов». В Италии Гайда писал, что Муссолини надоели попытки «демократий» навязывать ему «постоянную задачу мирного посредничества» и что «наступило время заявить: «Довольно оливковых веток». В этот же день со стороны США последовал ряд жестов, рассчитанных на успокоение общественного мнения Англии и Франции. Рузвельт заявил, что правительство США не предполагает замещать вакантный пост посла в Берлине. Всё это означало, что последние надежды на немедленные результаты миссии Уэллеса исчезли. Английский посол Лотинан 22 марта поблагодарил президента и Хелла за то, что правительство США быстро приняло меры к тому, чтобы положить конец распространению настроений в пользу «мира любой ценой», «основанных на всякого рода слухах о действиях Уэллеса в направлении мира по соглашению»⁷².

Уэллес 20 марта выехал из Генуи в США. Ньюйоркская биржа реагировала на отъезд Уэллеса из Европы повышением курса акций

⁶⁸ «Week» от 14 марта 1940 года.

⁶⁹ Welles S. Указ. соч., стр. 144.

⁷⁰ «The Ciano Diaries», стр. 224.

⁷¹ Черчилль в своих мемуарах говорит, что Чемберлен показывал ему ответ, который он дал на мирные предложения, собранные Уэллесом (т. I, стр. 442).

⁷² «The Memoirs of C. Hull», стр. 740.

военной промышленности и биржевых цен на пшеницу и хлопок. «Наблюдается полное прекращение разговоров о мире, — сообщали с биржи, — которые снизили некоторые из наиболее высоких курсов военных акций в конце прошлой недели»⁷³.

Возвращение Уэллеса в Америку «Нью-Йорк геральд трибюн» встретила передовой статьёй, озаглавленной «Вздых облегчения». «Мы уверены, — писала газета, — что многие американцы будут глубоко благодарны тому, что Уэллес отплыл из Европы, не нанеся фатального вреда делу союзников... Мы горячо надеемся, что когда Уэллес снова спустит на американскую почву, он останется на ней навсегда. Его превосходный ум, повидимому, хорошо функционирует в Вашингтоне. Дайте ему Южную Америку или поручите изобрести 300-мильную зону безопасности — ничто не может устоять против него. Дайте ему Европу — и мирные предложения нацистов как фейерверк заполнят небо. Мы уверены, что Уэллес оказался лишь жертвой хитрости Гитлера»⁷⁴. Однако официальное заявление по поводу возвращения Уэллеса подсластило горечь его неудачи указанием на то, что свою «трудную миссию» он осуществлял в «соответствии с лучшими американскими дипломатическими традициями»⁷⁵.

Уэллес говорит, что он выезжал в Европу с чувством полной безнадёжности своей миссии, которая казалась ему «миссией потерянной надежды». Вполне вероятно, что эта мысль пришла Уэллесу уже позднее, на обратном пути из Европы⁷⁶. Но дело не в этом. Уэллес, в соответствии с установившейся американской официальной концепцией истории внешней политики США, указывает на преобладание изоляционистских настроений в США как на главную причину неудачи своей миссии. По его словам, при наличии этих настроений правительство США не могло заявить германскому правительству о том, что США придут на помощь западным державам в случае, если Германия развяжет «опустошительную войну» на Западе⁷⁷. Весьма сомнительно, что подобного рода заявление могло бы предупредить наступление немцев на западном фронте. В Берлине и без специального заявления американского правительства хорошо понимали, что, перейдя какую-то черту на Западе, Германия неизбежно столкнётся с США. Гитлеровцы это понимали и всё же не остановились у этой черты. Остановить Гитлера могло бы только сотрудничество США, Англии и Франции с Советским Союзом. Но в то время они не пожелали стать на этот путь, попытки же решить «германскую проблему» без СССР и за счёт СССР неизбежно вели к катастрофическим для западных держав последствиям. Таким образом, изоляционистские настроения в США хотя и учитывались в Берлине как благоприятный для Германии фактор, но не могли быть главной причиной неудачи миссии Уэллеса.

В американской печати приводились и другие причины неудачи этой миссии. В частности, указывали на переоценку американским правительством возможностей, которыми располагают США для обеспечения себе руководящей роли при заключении мира. В. Липпман, отметив ошибки, которые, по его мнению, допускались в США при обсуждении вопросов мира, указывал, что главная ошибка заключается в преувеличенном представлении американцев о «своём собственном конечном всемогуществе». «Когда мы, — писал он, — находимся под влиянием этого заблуждения, мы воображаем себя... играющими роль победонос-

⁷³ «New York Herald Tribune» от 21 марта 1940 года.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ «Documents...», 1939 — 1940, стр. 380.

⁷⁶ Хэлл говорит, что и после возвращения Уэллеса в Вашингтон он информировал президента о существовании шансов «на восстановление мира в Европе», если США предложат практический план «безопасности». (The memoirs of C. Hull, p. 1628—1629).

⁷⁷ Welles S. Указ. соч., стр. 119—120.

ных владык мира. Мы уподобляемся Гитлеру с его воздушными замками... Мы проводим границы на картах, мы составляем комбинации народов»⁷⁸. С этим замечанием нельзя не согласиться. Действительно, правящие круги США слишком уж явно переоценивали свои возможности оказывать влияние на политику и англо-французского блока и Германии, слишком дешёво рассчитывали они приобрести в Америке право распоряжаться судьбами Европы и судьбами мира.

Но главная причина провала миссии Уэллеса заключалась в том, что противоречия между западными державами и Германией были чрезвычайно глубоки и все усилия англо-французской и американской дипломатии найти основу для мирного соглашения с германским империализмом оказались несостоятельными. Большую роль при этом сыграли и англо-американские противоречия. Правящие круги Англии искали путей соглашения с Германией, но они холодно относились к проекту американского посредничества. Англия предпочитала в случае заключения мира с Германией обойтись без «добрых услуг» американского правительства, потому что за эти услуги пришлось бы заплатить определёнными уступками в пользу США.

Вместо того чтобы готовиться к отражению немецкого наступления на западном фронте, правительства Англии и Франции в зимние месяцы 1939—1940 гг. готовились начать войну против Советского Союза. До самого начала немецкого наступления на Западе они находились в плену иллюзий о возможности мирного соглашения с Германией. Поскольку миссия Уэллеса усиливала эти иллюзии, она тем самым объективно в какой-то мере способствовала разгрому немцами Франции и Англии на западном фронте, разгрому, завершившемуся капитуляцией Франции.

⁷⁸ «New York Herald Tribune» от 20 февраля 1940 года.